

Фото Андрея ПЕРАКОВА

Наталья ЗИМЯНИНА:

ПАПИНА БИБЛИОТЕКА ОКАЗАЛАСЬ СИЛЬНЕЕ ИДЕЙ КОММУНИЗМА

Вет. клуб - 1999. - 20 ноября - 45.

человек на симпозиумах славистов, но для читателей "ВК" вы прежде всего — музыкальный критик. У вас музыкальное образование?

— Меня с четырех лет родители усадили за пианино. Я даже марку помню: "Беларусь". И я с удовольствием занималась, пока меня не отдали в музыкальную школу. Это уже было скучно: ведь в наших музыкальных школах — муштра, дети — как маленькие рабы. Хотя сольфеджио у нас преподавал... как вы думаете, кто?

— Кто же?

— Не поверите — Альфред Гарриевич Шнитке!

— Какой он был?

— Этот же вопрос потом, много лет спустя, когда вокруг Шнитке начались всякие разговоры, мне задавал папа: "Что он за человек?" Он был чудесный, очень чуткий, совершенно беззлобный. И внутренне свободный.

— Но занятия в музыкальной школе вам тем не менее не понравились...

— К счастью, мы скоро уехали в Прагу, а там занятия музыкой — для детей праздник. Совсем другая атмосфера. Детей, которые занимаются музыкой, боготворят: устраивают их концерты в старинных особняках, наряжают в красивые платья... словом, мне опять повезло.

— Вы хотели быть музыкантом?

— Очень! И в Праге меня считали звездой. Но когда приехали в Москву, оказалось — не звезда. Во всяком случае, родители мне сказали: "Пианисткой надо быть или гениальной, или никакой". Мне-то казалось, что я гениальная, а им — нет. Сейчас я думаю, что они были не правы.

— В смысле оценки гениальности?

— Нет, в отлучении дочери от профессии музыканта. Я бы с удовольствием работала сейчас концертмейстером. Или каждый вечер сидела бы в каком-нибудь кафе и играла по заказу.

— Насчет кафе я сомневаюсь...

— И нечего сомневаться! Я однажды играла в ресторане, причем без всяких репетиций, экспромтом.

— Ну хорошо, допустим. Однако, чтобы стать музыкальным критиком вашего класса, где-то же нужно было учиться?

— В ДК МГУ был замечательный фортепианный класс, который вела Ундина Михайловна Дубова-Сергеева, ученица Генриха Нейгауза. Совершенно потрясающий человек! К ней

приходили настоящие самородки, даже не знающие музыкальной грамоты, и она открывала их таланты. Можно сказать, что в музыкальном отношении она меня сделала. Я больше двадцати лет выступала там на сцене. Переиграла, по-моему, всю фортепианную литературу.

— И параллельно занимались музыкальной критикой... Когда и почему это началось?

— Писать в журналах и газетах я стала со второго курса. О чешском кино, о театре... А о музыке? Уже когда началась перестройка. Появилось чувство удивительной свободы. Мне же раньше, в силу семейной принадлежности, многое было нельзя.

— Что именно было нельзя?

— Ну, например, встречаться с какими-то людьми, ходить куда-то. Помню, пришла однажды на Пасху в Богоявленский собор... А на следующий день мне человек из КГБ говорит: "Как вы могли! Там же был весь дипломатический корпус! Вас все видели!" А тут вдруг — свобода!

— К музыке-то это — какое отношение?

— А такое, что появилось чувство внутренней раскрепощенности. Музыкальная пресса мне всегда казалась очень скучной. Сходишь на концерт, а потом читаешь о нем в газете — как будто ты была не там, а на каком-то другом концерте. Я вдруг поняла, что знаю не меньше, чем те люди, которые пишут о музыке. К тому же тогда я уже была знакома и даже дружила со многими музыкантами. И наши мнения о музыке совпадали.

— С кем, например?

— Это Рудольф Борисович Баршай, Эмиль Григорьевич Гилельс, Нина Львовна Дорлиак...

— А с Рихтером?

— Нина Львовна нас познакомила. Но Святослава Теофиловича я очень стеснялась. Это такой великий и при этом такой очень тонкий человек, что я своими вопросами — знаете, в нашей журналистской, несколько нагловатой манере — я... как бы это сказать... боялась смутить его душу. Однажды мы встретились на концерте Плетнева, и он сказал: "Ой, надо же, какой замечательный пианист!" Оказалось, он его слушал первый раз. Я даже подпрыгнула: "Святослав Теофилович, можно я завтра в газете напишу: Рихтер впервые слушал Плетнева?" Рихтер смутился, как маленький ребенок: "Что вы, что вы, он же очень обидится".

— Как музыкальный критик вы даёте оценки композиторам,

дирижерам, исполнителям. Зачастую очень жесткие, даже обидные...

— И жутко переживаю всегда. Сказать в лицо правду — даже другу — это же невероятно тяжело, да? Иногда я думаю, что я не настоящий журналист. Лучше было бы так: напечатал — и забыл. А я так не могу. И мучаюсь всякий раз. Это, наверное, у меня — тоже от папы. Ведь быть главным редактором «Правды» — это была огромная ответственность.

— Тогда, может быть, и не писать о плохом? Масса театраль-ных и музыкальных критиков — вы же знаете — пишут только комплиментарные материалы — и ничего! Их любят, приглашают на спектакли, концерты, банкеты, фуршеты...

— Говорить о плохом хорошо — было бы нечестно по отношению к публике. Критик обязан сказать: "Люди, здесь вас обманывают. Здесь на вас, на вашем незнании, на вашей некомпетентности, этот музыкант (певец, дирижер) просто зарабатывает деньги". Иначе — зачем критика?

— Наталья Михайловна, давайте — в целях экономии места — перейдем на "блиц". Кого вы считаете самым великим пианистом XX века?

— Дайте подумать. Их два. Рихтер и Гленн Гულд.

— Скрипач?

— Тоже два. Леонид Коган (я была, кажется, на всех его концертах) и Иегуди Менухин, открытый всем музыкальным культурам.

— Виолончелист?

— Самое яркое впечатление: премьера Второго виолончельного концерта Шостаковича, когда солировал Ростропович.

— Ну и, наконец, композитор столетия?

— Малера могу слушать целый день. И Рахманинов, конечно.

— А из современных?

— Володя Мартынов. Гениальный композитор.

— Ладно, хватит о музыке. Читательницы мне не простят, если я не спрошу про Александра Филиппенко. Вы сколько лет вместе прожили?

— Десять.

— Когда вы поженились, он уже был артистом?

— Он всегда был артистом. Но тогда, после окончания Физтеха, работал старшим инженером в академическом институте.

— Извините, что я лезу не в свое дело, но я вам по-хорошему завидую: как вам удалось после

развода сохранить такие прекрасные отношения? Сужу по "Вечернему клубу": вы не устаете в газете пропагандировать творчество Александра Филиппенко, а он, в свою очередь, давно уже стал нашим верным другом, Почетным Кавалером "ВК".

— Все дело, наверное, в его таланте. Может быть, я восторженная дура, но я перед ним преклоняюсь. Иной раз поражаюсь: как он это делает? Саша может быть разным, и не все у него всегда получается, но иногда раздвигаются тучи и Бог его целует в макушку. И я наступаю на горло собственной песне. Я считаю, женщина должна служить мужчине. Мне встречались в жизни очень неординарные мужчины, и каждому из них я служила.

— А дети ваши чьи таланты унаследовали? Маша, я знаю, окончила классическое отделение филфака МГУ, преподает латынь, в этом году стала даже обладательницей титула "Лучший учитель Москвы". Но она еще и ведущая телепрограммы "Акуна матата" на РТР.

— Ток-шоу и латынь — странно, да? Вот так и разрывается, как когда-то и я разрывалась между чешским языком и музыкой. Очень тяжело, поверьте. Но такая, уж видно, судьба.

— А Паша?

— Паша — солист группы "IFK". Альтернативная некоммерческая рок-музыка.

— Псевдоним — "Паштет".

— Да, Паштет... А я-то, когда он родился, думала: какое я красивое имя ему даю — Па-вел! И надо же — Паштет! Он резко пошел по своему пути, уперт в своей миссии и в этом очень похож на своего отца.

— Словом, вы счастливы в детях?

— Я в них уверена.

— Что еще человеку надо! Мне остается только от имени редакции "ВК" поздравить вас с юбилеем. Как вам, кстати, наш и ваш "Вечерний клуб"?

— Если бы не "ВК", я бы никогда не стала работать журналистом.

— Вот те на! Почему?

— Здесь мне предоставляют полную свободу высказываний. Здесь не редактируют и не искажают мои мысли. Здесь работают совершенно разные, непохожие друг на друга люди. Но они очень дружные — и это большое счастье.

Встречался
Николай МИХАЙЛОВ

— Наталья Михайловна, сейчас мы с вами устроим то, что у нас в газете называется "Клубной встречей". Вообще-то мы с вами встречаемся в "Вечернем клубе" каждый день вот уже восьмой год...

— Да уж! Брать друг у друга интервью — это как-то...

— Не очень принято, согласен. Но тут случай особый. Во-первых, у вас юбилей. Во-вторых, ваша известность уже перепрыгнула страницы газеты — и страна должна знать своих героев.

— Куда она перепрыгнула? С чего вы взяли?

— А вот у меня факс из информационного агентства "Экстра-пресс", которое каждый месяц рассылает по всем редакциям календарь юбилейных дат. Цитирую: "18 ноября. 50 лет назад — в 1949 году — в Минске в семье 2-го секретаря ЦК КП(б) Белоруссии Михаила Васильевича Зимянина (1914-1995), будущего секретаря ЦК КПСС, родилась журналист Наталья Михайловна Зимянина, талантливый газетчик, ведущий журналист газеты "Вечерний клуб". Бывшая супруга известного актера Александра Филиппенко, родившая ему двух талантливых детей — Машу и Пашу. Сфера ее журналистских устремлений — культура. Написанные ею статьи о театре, музыке, литературе, живописи позволяют признать их автора одним из виднейших культурологов нашего времени".

— С ума можно сойти!

— Это потом. А сейчас — к делу. Если говорить серьезно, то меня всегда одолевала такой вопрос. Как получилось, что в семье убежденного коммунистического идеолога, посла СССР в Чехосло-

вакии, главного редактора "Правды", секретаря ЦК КПСС и т. д. выпестовалось нечто противоположное? Я знаю, что вы далеки от политики, но за коммунистов голосовать не будете. Почему так? Кто виноват?

— Папина библиотека, наверное. Он родился в очень бедной семье. Был пастушонком в деревне Земцы — это в Витебской области. А в деревне осталась барская библиотека, он туда влез и влюбился в книги. Всю свою жизнь их покупал, обходил все букинистические магазины — и собрал потрясающую библиотеку. Я каждый день ощущаю папу рядом с собой — открываю какую-то книгу, а там его заметки на полях. А книги собраны уникальные и совершенно разные — от первого издания "Арифметики" Магницкого до "Основ классического танца" Вагановой. Кстати, папиным любимым поэтом был Гумилев, которого у нас тогда не издавали.

— И что же?

— Ну какой тут мог быть у меня коммунизм? Ролан Быков как-то сказал о папином поколении: "Они сами себе роют яму — у них вырастут образованные дети". А кроме того я с 10 до 15 лет жила в Праге — пожалуй, самом человеческом городе мира. Это, наверное, тоже как-то сказалось на мировоззрении.

— Потому и поступили на славянское отделение филфака МГУ?

— Прага стала второй родиной. Хотелось лучше узнать чешский язык, чешскую культуру. Мучила загадка: как этот крошечный народ сумел сохранить себя, противостоять мощному немецкому влиянию?

— Я знаю, вы были и преподавателем чешского языка, и переводчиком, и до сих пор свой